

КОМБАТ

рядов замечательных парней. Тогда еще никто не знал, что до конца войны еще десять долгих месяцев, что и бесстрашный, неуязвимый комбат тоже не увидит победного дня...

И опять бросок. Турский канал, Окачево... Впереди капитан Скрипников, за ним, увлекаемые невидимыми, но прочными нитями взаимопонимания и долга, бойцы. Стремительен их натиск. Неотразимы атаки. Короткие ночные привалы, и снова бои. Комбат, словно играя с шальными пулями и слепыми осколками, в самом пекле сражений. Видя это, солдаты еще больше воодушевлялись, с еще большим ожесточением уничтожали врага.

Уже перерезаны шоссе Кобрин—Малорита, Мокраны—Брест... С отчаянием смертника сопротивлялись немцы в районе деревни Медна. Занять ее было поручено войнам 1297-го стрелкового полка. Кому атаковать опорный пункт неприятеля с тыла? Батальону Скрипникова! Бойцы с честью выполнят эту ответственную задачу. А когда на окраине села ударил вражеский пулемет, наглухо закрыв подход нашим бойцам, то старший сержант Волошин, тот самый Волошин, которому не спалось в памятную июльскую ночь перед атакой, который в боях за Брест будет удостоен звания Героя Советского Союза, под шквальным огнем неприятеля подполз к пулемету и гранатами забросал его.

Потом форсирование Западного Буга, где Скрипников, будучи раненным, продолжает руководить боем, а его люди, то вставая в землю, то поднимаясь во весь рост, метр за метром очищали левый берег пограничной реки от лютого зверя. Еще несколько дней, и бесстрашному комбату будет присвоено звание Героя Советского Союза. Это в боях при освобождении Бреста. Потом первый батальон вступит на польскую землю, неся с собой радость и освобождение...

Брестский городской парк. Сюда приходят те, у кого еще не зажили в сердце раны войны, и те, кто знает о ней лишь по рассказам, книгам и кино. Остановившаяся перед обелиском, они как бы соприкасаются с мужеством, спасшим человечество от фашистского порабощения. Здесь, в братской могиле, покоятся останки Георгия Ильича Скрипникова. Его нет среди нас, но он продолжает жить в новостройках Советской страны, в счастливых улыбках свободной Польши, в нашем сердце, в наших делах.

О. ТАТУН.

На снимке: Г. И. Скрипников.

но, пройдя суровую школу боев, становились опытными воинами.

...Через реку скрытно переправились на подручных средствах. Во втором часу ночи Скрипников уже докладывал на командный пункт полка о готовности к штурму вражеских укреплений. Бойцы, проверив оружие, набирались сил перед атакой. Комбат еще раз собрал ротных, повторил задачу каждого подразделения.

— Главное — стремительность, напор, — наставлял он. — И еще. Беречь патроны. Гитлеровцы хорошо вооружены...

После короткого совещания — на войне заседать не приходилось — обошел солдат: не отсырели ли патроны, как настроение людей.

— Костер бы развести, одежду просушить, — то ли шутил, то ли мечтал кто-то из стрелков.

— В бою обсохнешь, — ответили ему.

— Да, — поддержал комбат, — жарко придется. Позиция у немцев выгодная. Надолго, видно, собирались засесть. Но ничего. Не первый год воюем. Главное преимущество за нами — за свою землю бьемся, из своего дома гоним непрошеного гостя.

Светало. На небе еще крепилась одна последняя звездочка. Но вот и она растворилась. Повеял утренний холодок. Он пробирался за ворота еще не совсем просохших гимнастерок, будто шепча: прочь усталость, сейчас начнется. Солдатские глаза устремились в ту сторону, где, может быть, спят, может быть, затаенно ждут люди в ненавистной форме.

С первыми лучами солнца заговорила наша артиллерия. И сразу же высоты, где окопался противник, заволокло сплошной завесой дыма и поднятой в воздух земли.

Капитан Скрипников с пистолетом в руке скомандовал: «Вперед!» Его голос заглушило мощное солдатское «ура!». Бойцы ринулись в атаку. Северный берег тысячами солдатских тел, слившихся в одну мощную лавину, двинулся на врага. Началось наступление 160 дивизии, которая впоследствии за доблестные бои при освобождении Брестчины будет названа Брестской.

Скрипников уже ничего не слышал. Он бежал вперед, увлекая за собой батальон. Бежать в гору было чертовски трудно, но он, казалось, не чувствовал усталости. Видел только, как падают сраженные вражескими пулями бойцы, как закопшился дезорганизованный огонь наших артиллеристов враг. Капитан со всего размаху бросился в траншею, сбив с ног вскидывающего «шмайсер» рослого детину. В упор стреляет в ненавистное лицо рыжего откомандованного фашиста, а траншеи уже до отказа заполнены скрипниковцами. Еще мгновение, и гитлеровцы повержены. Ломая сопротивление противника, советские солдаты устремляются вперед.

Вот и деревня Добродило. Уличных боев вести не пришлось. Путь к продвижению полка был открыт. Уставшие бойцы приостановились на короткий отдых. Командиры подразделений стали уточнять потери.

— Зайцев, Севастьянов... такие ребята... на последних километрах родной земли... слышалось в рядах.

Люди не хотели понимать такой смерти, а она еще бродила по земле, вырывая из

Он был смертельно ранен в одном из ожесточенных боев под Варшавой, когда фронт неудержимо, километр за километром продвигался на запад, к самому логову фашистской Германии—Берлину. Откинувшись на пропахшие порохом, по-солдатски грубые и по-человечески нежные руки боевых товарищей, комбат чувствовал, как все медленней, едва прорываясь сквозь мучительный огонь боли, сокращается сердце. Он сознавал, что жизнь покидает его, что доносящаяся сквозь мутную пелену канонада для него последняя. Собрал остатки сил, капитан приподнялся, обвел взором голубое небо, безмолвных стрелков. Потрескавшиеся губы чуть слышно прошептали: «Схороните на Родине...» Он смолк. А кругом грохотало, рвало землю, крошило бетон...

...В тот теплый июльский вечер комбат Скрипников впервые за сутки уснул, словно провалившись в пропасть. Видел мать, ласковую, милую. Но ненадолго. Часа через полтора, прогнав сон, он уже был на ногах. Про себя подумал: «Скоро начинать».

Комбат шел мимо спящих группами и в одиночку, в самых разных позах, мерно посапывающих ребят. Усталость свалила всех. Сказались длительные марши, изматывающие бои. А на рассвете 160-я дивизия, действующая в составе 70-й армии, сбив противника на Припяти, должна была устремиться к Западному Бугу.

— Комбат осторожно, боясь разбудить, обходил спящих. А они, словно чувствуя на себе его заботливый взгляд, улыбались сквозь сон. Скрипников наклонился над одним бойцом, поправил свехавшую плащ-палатку. С шипением взлетела ракета, осветив лицо парня.

— Что не спишь, Волошин?

— Чудная ночь, товарищ комбат. Будто и нет войны. Дом родной вспоминается. Как там мои...

— Давай закурим, брат. Через полчаса выходить на рубеж.

...К реке бойцов батальона выводил потаенными тропами житель близлежащего села Иван Ковч. За ним продвигались саперы, обозначая броды шестами с натянутыми бинтами, легко различимыми в темноте. Солдаты ступали бесшумно и уверенно. Сна как не бывало: война научила прогонять его. Время от времени высоко в небо взвивались ракеты, и когда они падали, по земле и болоту плыли причудливые тени. Комбат появился то тут, то там. Только что в гуще колонны приказал неопытному новичку заткнуть самокрутку, и вот уже поторавливал замыкающих. Беспокойные мысли не покидали Скрипникова. Крепко окопался враг и трудно будет сломать его стальные когти. Впереди — на северном берегу Припяти — две линии траншей полного профиля с дзотами. Немцы прочно засели на возвышенностях, прикрытых поймой реки, рядами проволок, минными полями.

В своих боях комбат не сомневался: народ обстрелянный, бывалый. Не раз попадали в пекло. Дрались отчаянно. Решительность, упорство, солдатская дружба, все, чему учил их командир, выручали. Порой многих недосчитывались. В строй вставляли другие. Сперва кланялись каждому снаряду,